

ИСТОРИКИ

С. А. АСКОЛЬДОВ

Кто виноват?

Человеку, особенно имеющему чуткую религиозную совесть, свойственно после перенесенной болезни или вообще крупного жизненного потрясения оглянуться на свое прошлое и отыскать в нем свои ошибки и вины, приведшие к той или иной катастрофе.

И в отношении целого народа, прошедшего через муки и испытания исторических катастроф, естественно и даже необходимо поставить вопрос, какие ошибки и вины привели его к перенесенным ужасам и бедствиям.

Каждому естественно поставить такой вопрос и в отношении себя, и в отношении того целого, частью которого он является. Конечно, чтобы ставить и отвечать на этот вопрос во всеуслышание, надо иметь большой идейный и жизненный опыт за плечами. И только на это право — внести свой голос среди других обсуждений этой очень серьезной темы — я и имею смелость претендовать, вовсе не претендуя на то, что мое мнение будет вполне безошибочно.

Можно ли сомневаться, что русская революция, весь 27-летний* период советской власти, и итог всего этого — все небывалые ужасы войны, есть не какая-то случайность, а роковое последствие состояния русского общества за последний период русской истории?

Под этим последним периодом надо разуметь, главным образом, последние сто лет.

Каждый, конечно, по-своему, может понимать ошибки и грехи русского общества и народа за этот период. То понимание, которое я собираюсь здесь изложить, имеет в своей основе высказанную когда-то мысль Достоевского: «Каждый за всех и за все виноват».

Смысл этого положения, конечно, не в том, что эти вины у всех уравниваются, а в том, что каждый несет какую-то долю общей

* «27-летний период...» — эта статья С. А. написана в 1944 году.

вины, каждый в ней является соучастником в той или иной мере и в том или ином отношении.

Попытаемся же раскрыть эти вины в их наиболее общих масштабах, т. е. в основных общественных группировках и направлениях русской общественной жизни последнего периода.

Весь путь русской истории рассматриваемого нами периода определяется следующими пятью основными силами: 1) русским правительством и проводимым им политическим режимом; 2) Русскою Православною Церковью, которая по идее Церкви должна была бы давать духовные основы для государственной и вообще для общественной жизни; затем в качестве трех остальных сил мы обозначим три основные политические течения русского общества: 1) консервативное или охранительное, 2) противоположное ему — революционное и 3) срединное, которое или придерживалось умеренных политических взглядов, или вообще пребывало в политическом безразличии, в виде некоторых инертных масс.

Конечно, можно было бы нашу проблему рассматривать в плане классовых группировок, т. е. поставить вопрос о роли в русской общественной жизни таких классов, как дворянство, интеллигенция, рабочие, крестьяне. Но мы считали бы это совершенно неправильным, потому что в состав почти каждого класса, а особенно интеллигенции, входили силы, которые тянули в *разные*, иногда *противоположные* стороны. А, например, крестьянство и вообще не было в сущности политической силой и лишь в последний предреволюционный и революционный период оно проявило себя в итоге революционного напора как некая бурная стихия, устремившаяся в сторону основного политического ветра, т. е. революции.

Во всем последующем изложении главный фактический материал, на который мы будем опираться в наших оценках, мы будем черпать в нашей богатой русской литературе, в которой, как в правдивом зеркале, отражена в сущности вся история русской общественности XIX и XX веков.

За весь рассматриваемый дореволюционный период политической формой русской государственности было царское самодержавие. Но опрометчиво было бы думать, что общий политический режим определялся бы фактически волей того или иного самодержца. Всякое правительство, в том числе и самодержавное, есть всегда координация нескольких индивидуальных и общественных сил. Ошибочно было бы думать, что все четыре русских императора рассматриваемого периода делали все, что они хотели. Нет, им, несомненно, часто приходилось делать то, что они не хотели, и обратно, как-то ограничивать свои личные планы и намерения.

Монархи, подобные Петру Великому, т. е. правящие *наперекор* всем общественным течениям и склонностям, в истории встречаются редко. Последние четыре монарха русской истории, во всяком случае, не были такими. Поэтому под правительством России в предреволюционный период мы разумеем монарха вместе с теми его ближайшими сотрудниками, обычно министрами и ближайшими к трону политическими деятелями, которые, благодаря своим личным качествам и силой политических обстоятельств, получали влияние и вес в окружении монарха.

Что можно сказать про главную определяющую силу русской истории предреволюционного периода? Здесь, прежде всего, надо отметить благожелательство всех четырех русских монархов. Под благожелательством мы имеем в виду искреннее желание добра и благоденствия русскому народу. Этого благожелательства, мы полагаем, нельзя отнять даже от такого, наиболее реакционного монарха, как Николай I.

Но от желания до исполнения — огромное расстояние, и именно у монархов. До благоденствия, конечно, было далеко в период крепостного права и даже после его отмены. Крепостное право самым своим существом предполагало полное бесправие более чем 90% населения России. Но бесправие, хотя ослабленное и юридически подорванное, продолжалось и далее. Наряду с бесправием характерной особенностью самодержавного режима было резкое имущественное неравенство.

Перечислять относящиеся к этой области факты было бы для меня излишне, тем более что советское образование и вся советская пропаганда не пожалели темных красок, чтобы воссоздать мрачные картины жизни русского крестьянства, рабочего, вообще людей, стоявших на низших ступенях общественной лестницы. Да и вся русская литература отобразила эти стороны жизни слишком ярко и многообразно. Гоголь, Щедрин, отчасти Некрасов, Тургенев, Лесков оставили нам много картин дореформенной жизни крестьянства. Однако Щедрина необходимо все же выделить как слишком озлобленного и одностороннего сатирика, и в смысле общей картины русской жизни представившего ее не в правдивом, а в известном отношении в «кривом» зеркале, в котором отразилось все мрачное и нездоровое и выпало все светлое, здоровое и радостное, чем тоже всегда было богато наше прошлое.

Но было ли виновато русское правительство, что Россия шла своим сильно запоздалым, в смысле осуществления политических и экономических свобод, путем социальных реформ? Это запаздывание было постоянной виной и ошибкой всех европейских правительств, в том числе и русского. Это вина малой чуткости

к назревающим требованиям жизни, вина упорного консерватизма. Революции являются обычной расплатой за эту вину. Как в жизни отдельного человека организм сигнализирует о назревающей болезни отдельными, первое время еще невинными симптомами — недомоганием, болью и т. д., — так и в жизни государства имеется такая сигнализация назревающей болезни. Это сначала совесть отдельных политических деятелей, потом литературная оппозиция, а затем бунты, возмущения и т. п. И русская общественность с начала XIX столетия начала сигнализировать в этом направлении, хотя бы в лице Пушкина, его известными ранними стихотворениями «Вольность», «Андре Шенье» и др. Об этих, казалось бы, мимолетных публицистических выступлениях юного Пушкина потому следует вспомнить, что Пушкин по всему складу своей души был глубоко «аполитичный» человек. Об этой его аполитичности ярко свидетельствует его позднейшее стихотворение, озаглавленное «Из Пиндемонти», в котором Пушкин пренебрежительно отозвался о всех этих политических спорах «о правах», от которых у многих «кружится голова». Пушкин здесь из тактических соображений прикрылся именем какого-то им вымышленного «Пиндемонти». Но, конечно, это стихотворение выражает именно «аполитизм» природы Пушкина. Но при всей своей аполитичности он в последние годы царствования Александра I не мог, не в состоянии был не подать своего голоса, протестующего, и даже не сказать, уже впоследствии, что если бы чисто внешние обстоятельства не помешали ему быть во время декабрьского восстания в Петербурге, то он, несомненно, «был бы с ними», т. е. с декабристами. Но Пушкин нам и в другом отношении показатель ужасного бесправия и рабства той эпохи, в которой он жил. Я имею в виду его деревенский роман с крепостной девушкой Ольгой. Если Пушкин с его чуткостью и благородством так легко прошел мимо этой соблазненной им девушки, то что же сказать о других тысячах и десятках тысяч русских помещиков, которые беззаботно пользовались своими правами «барина» в отношении своих крепостных!

Тут можно вспомнить и свидетельства уже более поздней Николаевской эпохи. Несомненно, жизненно правдивый рассказ Герцена «Сорока-воровка» ярко рисует нам, с одной стороны, до чего бесправны были «маленькие» люди той эпохи и до чего бессовестно пользовалась этим бесправием русская знать. Первое литературное произведение Достоевского «Бедные люди» есть правдивая иллюстрация того же положения. И даже его уже позднейшие «Униженные и оскорбленные» — все это яркая характеристика того общественного несправедливого неравенства, которое цари-

ло в русской жизни. Сколько было во всей России этих в том или ином отношении «униженных и оскорбленных», помимо всякого «крепостного права» и вне всяких норм этого законодательством закрепленного рабства!

Если мы возьмем Островского, то он нам дает яркие картины уже, главным образом, из области экономического неравенства — эксплуатации и беззакония. Как могли узурпировать свое положение разного рода чиновные тузы в середине прошлого века, ярко иллюстрирует знаменитая речь Юсова в «Доходном месте», где этот типичный представитель тогдашнего чиновничества разливается рекой по поводу всемогущества некоего «Его превосходительства Аристарха Владимировича», за которого только зацепись, и он тебя вознесет на верх благополучия, где все у тебя будет — «тут и чины, и ордена, и деревни с пустошами и всякие угоды», все тебе в руки поплывет. Что же правительство? Про все это не знало? Об этом не читало? Знало и видело, но закрывало глаза. Читало, но отмахивалось. А когда обличительная литература слишком надоедала, укрощало ее цензурой.

Так десятилетиями копились несправедливости порабощения легального и нелегального, в порядке обычного права, а с ними где-то в тайниках народной души копилось и чувство гнева и мести. И как всегда это в истории бывает, переполнение чаши наступает не скоро и обычно тогда, когда все смягчается и приходит в норму, и месть выливается не на головы обидчиков (они давно уже в могилах), а на их часто ни в чем неповинных сынов и внуков. Именно так случилось и у нас в России. Вопрос не в том, как оценить и выразить, как бы в каких-то единицах ту вину русского правительства, на которую мы указали — вину косного потворства хищническим инстинктам сильных мира сего. Это дело не нашего, человеческого, а Божьего суда. Для нас только должно быть ясно, что эта вина была и, конечно, не малая, а также и то, что с этого именно и началось. Политическое равновесие обычно нарушается, прежде всего, сверху. В России, по крайней мере, так и было. Но если маятник сильно отвести вправо, то он неизбежно при первой возможности откинется влево. Но, к сожалению, в политике не так, как в физике, т. е. отклонения вправо и влево не обязаны быть почти равными.

2

Но обратимся ко второй политической силе — силе не внешнего принуждения, а духовного влияния — к Русской Церкви. В этом вопросе надо, конечно, быть особо осторожным, но миновать его

все же нельзя, раз поставлен вопрос о нашем прошлом. Но осторожность здесь должна быть проявлена в том отношении, что в Церкви мы, в отличие от правительства, имеем, кроме видимой и временной человеческой стороны, и нечто мистическое, невидимое и вечное. Правительства свергнуты и всецело уже в прошлом, а Церковь Православная жива и находится и теперь с нами как возрождающая и необходимая для нашего духовного обновления сила. И она особенно теперь есть для нас неотменимая и незаменимая ценность, какие бы вины и ошибки ни вскрылись для нас в человеческих временных представителях ее в прошлом. Пусть нам кажется, что в ее идеологии и внешних формах все осталось по-прежнему. Надо понять, что это именно только «кажется». В ней, конечно, происходят и произойдут крупные изменения. Но сейчас во время войны они могут только назревать в мистических глубинах Церкви, в психологии ее представителей, но никоим образом не могут внешне проявляться и оформляться. Поэтому наш всенародный призыв «К Церкви!» должен быть оставлен в полной силе, как бы ни очевидны были ошибки ее представителей в дореволюционном прошлом. Но какие же это были вины и ошибки? Мы сказали бы, это пассивное молчание по вопросам, на которые Церковь должна была бы давать свои ответы.

Мы имеем в виду полное отстранение Церкви от назревших новых политико-общественных вопросов на основе традиционного толкования знаменитого евангельского текста — «воздайте кесарево кесарю, а Божье Богу». Мы здесь не можем, конечно, заниматься вопросами церковной экзегетики. Но историческая действительность с ясностью обнаружила, что линия отделения кесарева от Божьего проведена была очень неудачно в XIX столетии, ибо несправедливости и обиды самодержавного строя вопияли не только к кесарю, но и к Богу. Мы далеки от мысли, что представители Церкви должны были дебатировать политические проблемы наряду с мирянами. Но как-то по-иному голос религиозной совести, освященной авторитетом церковных иерархов, должен был звучать. Но он не звучал.

Это одно обстоятельство, а также неподготовленность священников к апологетической работе (защиты веры) и были причиной постепенного отпадения от Церкви тысяч, потом десятков тысяч, а в конце предреволюционного периода и миллионов верующих.

Единственный вдохновенный и, даже скажем, пророческий голос по этому вопросу — о необходимости и Церкви давать свое решение по общественно-политическим вопросам, голос великого русского богослова и философа Владимира Сергеевича Соловьева, не был услышан. Слева по неверию, а справа по упорной косно-

сти к охране старого — «века стояло, так пусть и теперь стоит». Но и в религии «стоять» на одном и том же месте можно лишь до поры до времени. Очевидно, в XX веке время этому стоянию на неподвижной точке кончилось. От Церкви процесс истории потребовал какой-то иной проповеди, кроме проповеди личного спасения (этой проповедью не покрывались общественные задачи времени). О «христианской политике» заговорил Вл. С. Соловьев, заговорил сильно и убедительно и, что всего важнее, не в духе какой-то революции в Церкви, а в духе эволюции, т. е. сохраняя верность незыблемым, вечным основам Церкви. За ним заговорила и немногочисленная группа его светских приверженцев. Но уже было поздно. Революционная раскачка пошла уже быстрым темпом... Да и те, кому надлежало услышать его призывы, или оказались глухи и невнимательны, или в ответ на его совершенно новые мысли повторяли наставительно старую жвачку семинарских курсов.

Мы менее всего склонны видеть в этом косном консерватизме Церкви вину священников. Они, как младшие офицеры Армии, не вправе были проявлять самостоятельной инициативы. Да и о вине иерархов здесь трудно говорить. Ведь не личные же эгоистические цели играли здесь решающую роль. Это были именно ошибки бездействия и молчания ради будто бы благой цели — сохранить целостность старинной церковной святыни. Но «сохраняя» — теряли, «оберегая» — давали на расхищение врагам.

3

Мы перейдем теперь к рассмотрению третьей политической силы — к правому консервативному уклону русской общественности, безразлично в каких группировках и классах он ни проявлялся, в литературной среде, в дворянстве, в интеллигенции, среди промышленников, купцов. По существу это был единый блок с правительством. Ведь именно в этом общественном течении и находило правительство свою опору, из того же течения оно подбирало кадры высших слоев чиновничества и т. п. Если бы мы стали всматриваться, чем движимо было это охранительное течение русского общества и народа, то мы не нашли бы здесь какой-то одинаковой психологической основы. Здесь можно говорить и об охранительной консервативной идеологии, которая, например, проявлялась в художественной литературе, в газетах, в журналах. Здесь же можно говорить и, пожалуй, чаще всего, просто об эгоистическом интересе людей, занимающих выгодное общественное положение, сохранить статус кво своих преимуществ

и прерогатив. Ну могли ли люди в генеральских чинах, богатые промышленники и купцы желать каких-либо политических реформ, когда все новое грозило им потерей их богатств, власти, влияния? Если французские короли могли думать: «После меня хоть потоп», и если этих фраз, к их чести, не произносили и так не думали русские монархи, то русская аристократическая знать, крупные чиновники и богачи среди помещиков, промышленников и купцов, конечно, в большинстве случаев руководились этим «славным» девизом. Если все эти психологические пружины охранительных сил рассматривать с точки зрения вины и греховности, то мы здесь найдем исключительное разнообразие типов русского охранительного эгоизма — от ленивой успокоенности и благодушествования на спокойных волнах политического затишья, от хищнического рваческого эгоизма до мучительства всех попадающих в когти себялюбивых хищников.

Граф Лев Николаевич Толстой является изобразителем по преимуществу людей первой категории, полных благодушной и иногда полной благожелательности к людям барственности, которые охраняли статус кво своего благополучия, никогда ни о чем не заботясь, а иногда даже слегка либеральствуя, покачиваясь в мягких креслах за бокалом замороженного шампанского. Что такое его Стивы Облонские, его Вронские, Каренины, Безуховы, как не эта благодушествующая знать, как бы покрывающая свой грех незамечаемой эксплуатации своим благодушием, иногда даже прекраснотушием, как это мы видим в семье Ростовых и Болконских? Приблизительно таковы же персонажи и в позднейшем, быть может, наиболее обличительном произведении Толстого «Воскресение».

Если мы будем искать в русской литературе типы второй категории, т. е. злостных хищников, то мы, конечно, найдем их изобилие в обличительной литературе, относящейся к дореформенному периоду, т. е. у того же Щедрина, Островского (Паратов и другие в «Бесприданнице») и даже у Тургенева (в «Муму»). Пореформенный период дает нам уже мало этих типов. И это не случайно: реформы Александра II и русская литература, несомненно, несколько возвысили и облагородили общий уровень русского общества.

Наш метод литературных иллюстраций, конечно, не вполне покрывает историческую действительность русской жизни. Ужасы Аракчеевского режима в эпоху Александра I, некоторые мрачные стороны полицейских застенков, политических процессов не отображены почти в русской литературе. Однако все это мало прибавило бы к тяжести вин и ошибок правительства и охранительных течений. Напротив, как мы увидим далее, те дополнения,

какие мы находим в этом отношении в самой жизни, например в биографиях Пушкина, Герцена, могут послужить до известной степени оправдательным документом для русского правительства.

4

Мы переходим теперь к самой сложной части нашего обзора: к революционным течениям и группировкам русского общества. Если миновать давние бунты Разина и Пугачева, то надо сказать, что русское революционное течение имеет свое начало в восстании декабристов. Николай I внешне подавил его, но не уничтожил питающие его корни. Напротив, Николаевский режим как раз служил для питания этих корней. Революционные настроения крепили прямо пропорционально усилению политической реакции. Они крепили и в связи с политическими ветрами, доносившими до России веяния обеих французских революций (1830 и 1848 гг.) и учения утопических социалистов середины XIX в. Постоянной подпочвой русских революционных настроений была потеря всякой религиозности, а иногда и общий нигилизм, отрицание всяких традиций. Тургеневский Базаров и Марк Волохов в «Обрыве» Гончарова это еще не революционеры, но им всего один шаг до революционизма.

Вообще разброд и полный распад всяких основ духовной жизни характернейшее явление середины прошлого столетия — та благоприятная среда, в которой с успехом развивались все виды как перенесенной с Запада, так и специально русской, революционной «бактерии». Этот же распад гораздо более разнообразно и в различных психологических преломлениях изобразил нам и Достоевский в своих романах.

Начавшись с движения декабристов, русское революционное течение постепенно проходило все стадии своего брожения и созревания, все стадии проникновения в массы и толщу русского общества и народа.

Сначала оно укоренялось в верхах русской интеллигенции, в писательской, профессорской, учительской среде. Сначала для него собственно не характерно подпольное существование. Яркую обрисовку действительного положения вещей рисует нам «Былое и думы» Герцена, дающие биографический, почти исторический материал. Сейчас после большевистского режима поражаешься, как вольготно было даже в старую Николаевскую эпоху людям антиправительственно настроенным выражать эту настроенность, ее укреплять и развивать почти без всякой конспирации.

Мы узнаем, что у Герцена, в его даче под Москвою в последний период его жизни в России собирались десятками люди антиправительственно настроенные, говорили зажигательные речи (заметим, кстати, обычно за бокалом шампанского), и все это долго сходило им с рук. Кружок Белинского тоже благополучно существовал, и если его письмо к Гоголю было нелегальной литературой, то ведь все же показательно, что сам Белинский, так резко антиправительственно настроенный, все же ни разу не подвергался каким-либо репрессиям.

Вообще начальной формой русского революционизма были собственно «вольные разговоры». Яркие образы этих либеральных вольных разговорчиков, этих потоков красноречия, дали отчасти Тургенев в «Рудине» и Достоевский в Степане Трофимовиче Верховенском. Ну, конечно, Герцен был уже более, чем красноречивый разговорщик, и его Николай I уже не смог стерпеть. Но достойно внимания, как эта яркая личность русского революционизма, Герцен, дешево отделался: сравнительно легкая тюрьма и еще более легкие ссылки в Пермь, Вятку, Новгород, где Герцен всегда был желанным гостем в слоях высшего новгородского общества. После отъезда за границу Герцен стал, конечно, вдвое опаснее, и ему было бы несдобровать, если бы он попался. Но опять-таки достойно внимания, что его «Колокол» в эпоху Александра II звонил по всей России и, можно сказать, распространялся во всех ее уголках.

Что мы можем сказать об этом поколении русских крайних течений, о людях середины прошлого столетия? Была ли вина, что они представляли оппозицию самодержавному режиму Николая I и даже Александра II? Мы склонны ответить на этот вопрос в общем отрицательно. Они были либеральные «сигнальщики» о надвигающихся опасностях. Обладая обычно известной узостью в смысле общего мирозерцания, почти всегда отрекаясь от религиозной веры, они все же унаследовали от своих отцов или, скажем, точнее, от тех же ими впитанных бессознательно морально-религиозных устоев, известную широту и прямоту политической тактики, безусловную моральную и политическую честность и настоящее свободолобие. Все эти типичные представители 50–60-х гг. — Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский, Писарев и им сродные существенно отличались от позднейших революционеров марксистского толка. Большевики им ставят памятники и переименовывают в честь них улицы в городах, но доживи они до времен советской власти, все они кончили бы или расстрелом, или томились бы в концлагерях.

Центральным событием этого этапа революционного движения является процесс петрашевцев. Он очень типичен. Это именно люди, протестующие против Николаевского режима во имя справедливости и свободы мысли.

Тут было огромное число людей всех толков и формаций. Сюда даже попал такой впоследствии правый литератор и поэт, как Аполлон Майков. Правда, лишь немногие из петрашевцев были осуждены. Что в числе осужденных находился Достоевский — это уже ручательство и показатель внутренней честности и убежденности этого движения. Можно сказать, что это было последнее проявление революционизма как прекраснодушных разговоров. Дальше пошли уже действия террористического характера. Выстрел Каракозова в Александра II был почти началом серии террористического периода русского революционизма.

Вообще замечательно, что чем более смягчалась правительственная система реакции и консерватизма, тем более обострялись методы революционной практики, тем более узкими, нетерпимыми и ограниченными по своему общему духовному развитию становятся русские революционеры. Это обстоятельство заставляет рассматривать революционное направление русской общественности не суммарно, а в связи с периодами его проявлений, т. е. различать *как* оно проявлялось в разные периоды и *против кого* оно направлялось. В царствование Николая I, т. е. в эпоху наиболее жестокую в смысле охранительных начал и репрессий, это революционное движение проявлялось наиболее мягко. Процесс петрашевцев яркий тому пример: разговоры за чайным столом о гнете цензуры, о крепостном праве, о западноевропейских событиях, о социально-утопических системах Сен-Симона и Фурье, и даже чтение письма Белинского к Гоголю — вообще разговоры, и разговоры были в 1848 году расценены как очень тяжкие государственные преступления, за которые по первому решению, только потом смягченному, присуждена была смертная казнь. Затем эпоха Александра II и его преобразований, представляющая крупный сдвиг и огромную уступку, в смысле всех видов гражданских свобод и смягчения бесправия, вызывает уже со стороны революционеров террористические акты против царя — в 1866 году неудачное каракозовское покушение, а через 15 лет тоже покушение, подготовленное целым террористическим кружком и увенчавшееся «злодейским» успехом.

Эта революционная травля и убийство Александра II, одного из самых благожелательных монархов, сделавшего для русского народа и государственности очень много положительного, были, несомненно, тяжким грехом русских революционеров,

и не только активных участников, но и всех тех, кто им злорадно аплодировал в революционных кругах русского общества. А таких было много.

Убийство Александра II, кроме того, что оно было морально несправедливым злодеянием, было и политически ложным шагом. Правительства они не испугали (оно было слишком крепко в эту эпоху), но заставили опять если не уклониться в реакцию, то затормозить поступательный ход государственных реформ.

В царствование Александра II русское революционное движение ушло уже в подполье, появились организации с тайными типографиями, появились т. н. «пятерки». Известная широта взглядов и политическая честность либералов эпохи Николая I сменились крайней узостью взглядов, мелкой демонстративностью своей политической и идейной передовитости — словом, всем тем, что дало основание Достоевскому определить характер этого движения «бесовщиной».

И его «Бесы» являются непререкаемым литературным обличением русских революционеров того периода. И не только революционеров, но всего общественного умонастроения, когда губернаторши либеральничали и заигрывали с передовыми людьми, когда каждый боялся показаться отсталым ретроградом. «Бесы» Достоевского тоже отчасти написаны на тургеневскую тему «Отцов и детей», но только с определенной симпатией в сторону отцов, по крайней мере в сопоставлении отца и сына Верховенских. Считать «Бесы» злостным памфлетом на русское революционное движение 60-х годов, как это было принято в революционных кругах, невозможно. Достоевский был слишком правдивым художником, чтобы извращать. Да и историческая действительность оправдала образы и картины Достоевского. Почти всех его персонажей мы встречаем и в позднейшие эпохи, и даже можем сказать о его пророческом предвосхищении русской революции. Разве его Виргинские (брат и сестра) не типы тех русских общественников, вечно оглядывающихся, как бы не подумали, что они отстают от всех? Разве его Липутин и Лямшин не образы подпольных интриганов, всюду бегающих и шныряющих во славу всеобщей «смуты»? А самая идея «смуты», «бунта» во что бы то ни стало, ярким апостолом которого является Петр Верховенский, разве это не одна из основных пружин русской революции: смести, снести, во что бы то ни стало, без ясного плана *что же* делать потом — страсть к разрушению, ненависть к существующему, без всяких внутренних данных к построению чего-то лучшего? А уж если сказать, что Шигалев с его теорией диктатуры 10% над 90% рабов — выдумка,

это значило бы просто не считаться с фактами всего советского владычества коммунистической партии над более чем 90% порабощенного населения.

Если революционные проявления времен царствований Александра II и Александра III приобретали уже недоброкачественный характер не призыва к реформам, а желания свергнуть существующий самодержавный режим и захватить власть в свои в общем неумелые, а иногда и грязные руки, то царствование Николая II превратилось в определенную борьбу за власть.

В этот период революция определенно становится под лозунгом «долой самодержавие». Только для ее правого крыла это обозначало конституционную монархию. Для большинства же это было — введение республиканского строя и даже осуществление социальной революции. Теории Маркса стали уже овладевать умами русских революционеров. И этот резкий непримиримый характер революционное движение приобрело в царствование государя из всех четырех отличавшегося наибольшей заботой о благе государства и, скажем, поведшего фактически всю русскую государственность к совершенно несомненному преуспеянию во всех отношениях.

Но на царствовании Николая II необходимо остановиться подробнее.

Никто из русских монархов не был так ложно понят, никто не был так несправедливо оклеветан, как он, и, к сожалению, в этом вина всего русского общества. Я, пишущий эти строки, должен сознаться, что до 1917 года представлял себе личность Николая II и все его царствование в совершенно ложном свете. Русская революция и советская власть должны были бы многому научить в понимании всего предшествовавшего периода. Но, к сожалению, до сих пор многие еще ничему не научились.

Никакой правительственный режим не подвергся такому яростному критиканству и со стороны революционеров, и со стороны просто либералов, как режим царствования Николая II. Но всмотримся — за что и почему?

Политические свободы, хотя не были даны в такой, например, форме, как в Англии, но все же они были осуществлены в достаточно широкой мере. Газеты и журналы были почти всех политических направлений, кроме определенно революционного. Марксистская литература издавалась и продавалась почти беспрепятственно, особенно уже в последние годы. Все философские теории, в том числе материализм, свободно проповедовались и находили место в журналах и в отдельных изданиях. Разного рода собрания и банкеты, даже с явно антиправительственными целя-

ми, оказывались возможными. Кто из современников не помнит эпидемию антиправительственных «банкетов» в период времени 1905–1910 гг.? Я, как участник Религиозно-философского общества в Петербурге, вспоминаю неоднократные выпады против царского правительства неистового в то время Мережковского, который на публичных собраниях общества, где полагалось быть и представителю полиции, кричал в своих речах: — «проклятое самодержавие!», и его и не думали арестовывать.

Что же собственно ставилось в вину правительству Николая II? 9-е января 1905 года! И я сам когда-то возмущался расстрелами шедших к дворцу с мирными целями «говорить с царем» десятков тысяч рабочих. Но постараемся трезво отнестись и к этому событию. Во-первых, сама по себе идея разговора с царем 10-тысячной толпы нелепа. Это не времена XIV–XV столетий, когда московский царь мог разговаривать со своим народом, который почти весь помещался на Красной площади. Далее, «рабочие шли безоружные», но кто мог поручиться, что среди них не замешались террористы? Совершенно ясно, что эти толпы надо было не допустить до дворца. Их не допустили жестоко, спору нет; может быть, более тактичный градоначальник сумел бы это сделать мягче. Но ведь надо же понять, что не сам Николай II командовал военным гарнизоном. Пусть ошибка была, но он ее не хотел и в ней он не виноват.

Вообще, чего же добивались в порядке свободы? За что клеймили режим Николая? Да, арестовывали, ссылали, разгоняли на улицах студенческие демонстрации. Но, помилуйте, не могло же правительство не защищаться, когда на него лезли с бомбами, с призывами к низвержению со всех сторон! Выходило так: «мы будем вас подстреливать из-за угла, возбуждать народ к мятежу, печатать прокламации, организовываться для революционных актов, а вы не должны нам мешать, обязаны предоставлять нам свободу в низвержении власти». И надо сказать, многое из этой программы терпело правительство Николая II. Нет, положительно, в ту эпоху чуть не поголовной осады власти он не мог дать большей гражданской свободы!

Далее что?

Экономически Россия быстро расцветала. Если бы не война 1914 года, она в 10–20 лет достигла бы исключительного экономического расцвета. Далее, разве наука и искусство, литература не процветали? Были ли в царствование Николая II взяточничество, хищения, казнокрадства? Отдельные случаи — да. Но я, как современник и как служивший в центральных учреждениях, могу уверенно сказать, что взяточничество к концу царствования

Николая II стало уже почти невозможно. Так, мелкое взяточничество в полицейских участках и в глухой провинции могло еще держаться, но в широких масштабах, как было еще в 70–80 годах, оно стало невозможным.

Чиновничество в центральных учреждениях к началу нашего столетия поднялось на большую высоту, работало не за страх, а за совесть, и работало умело без всяких бесконечных ревизий и отчетностей. Я, как служивший в технических должностях министерства финансов, могу по собственному опыту засвидетельствовать высокий уровень чиновничества конца царствования Николая II. Опять по собственному опыту могу засвидетельствовать, что Государственная Дума имела огромное влияние на деловую сторону государственности, и все министерства с ней очень считались во всех своих законопроектах. Конечно, влиять на практику Министерства внутренних дел она не могла. И здесь левые партии хотели невозможного, т. е. чтобы правительство совсем прекратило аресты, вообще перестало бы себя защищать от отовсюду надвигавшейся революции.

Если, наконец, мы возьмем материальную сторону жизни, то уж, кажется, жить было слишком даже вольготно. При дешевизне того времени человек мог быть вполне сытым на 15 копеек в день, т. е. на сумму, которую с избытком легко мог собрать в день каждый нищий. В провинции люди со средним жалованьем могли даже прикапливать. Люди жили удобно, просторно, сытно и даже, так сказать, «с жиру бесились». Почитайте Чехова, этого правдивого бытописателя эпохи Николая II, писателя скорее либерального уклона. Почитайте его «Учителя словесности». Ну, разве этот простой провинциальный учитель не с жиру бесился, когда убежал из дома — полной чаши и от любимой жены? Почитайте его «Три сестры», которые со скуки мерли в провинции и все вопили: «В Москву! в Москву!» Да и все эти дяди Вани, Ивановы разве не с жиру бесились? И ведь это же не тузы денежные, не аристократия, а только средние обыватели, и жили они прекрасно. Конечно, в России, как и везде, были богатые и бедные, но в царствование Николая II той бедности, которую описывал Достоевский, уже не было и не могло быть. Здесь опять достаточно взять Чехова и проверить. Где он описывает гнетущую нищету и бедность? Почти нигде. Да просто сравнить цены на питание и обычные заработки рабочего, и станет ясно, что люди не голодали и деньги на все необходимое имели, за исключением редких случаев. Да ведь абсолютно идеальной и для всех удобной жизни, абсолютного отсутствия злоупотреблений не сыскать ни в одном государстве. Неважно то, что они были и в России, а важно,

что Россия в царствование Николая II неуклонно шла быстрым путем к процветанию государственной и вообще общественной жизни, и пришла бы, если бы не эта несчастная война 1914 года, развязавшая руки революционному движению, война, которой, собственно, не хотел Николай II, но все влияния на него, и особенно со стороны деятелей дипломатии того времени, заставили его решиться на этот все погубивший шаг. Правда, война обнаружила дефекты управления, и особенно в военном ведомстве. Повредил еще очень и период распутинского влияния. Вообще окружение для Николая II создано очень неблагоприятное. Но в этом не было ничего рокового, все это было временно и легко устранимо, если бы не неудачная война.

5

Нам остается обратиться к третьему общественному течению, среднему между правым и левым, отчасти просто либерально настроенному, отчасти совершенно аполитичному и занимавшему лишь позицию наблюдателей. Что сказать об этом срединном слое? Его опять-таки изобразил Чехов. Да и сам он, в сущности, к нему принадлежал. Что в этом срединном слое было? Какие-то все же недовольства. Люди механически служили, приходя домой, играли в карты, пили, занимались пустыми разговорами, амурными делами, мечтали, наподобие доктора Астрова и Иванова, о каких-то необыкновенных успехах прогресса, не замечая, что им, в сущности, очень хорошо жилось, да и почти всем вокруг них. Казалось бы, кругом работы было сколько угодно, люди могли заниматься самообразованием, идейным развитием. И вместо всех этих открывавшихся возможностей предавались скуке, в свободное время безделью и добросовестно воображали, что общественные условия им «мешают» заниматься настоящим делом. Вот если бы дали конституцию, — тут бы они плодотворно заработали! Их политические идеалы все зависели от «конституции». А что потом? Потом как-то сами собой появились бы молочные реки и кисельные берега. По существу же все это — маниловщина в ином виде. Вся эта масса, конечно, не играла ведущей роли в русской жизни. Но значение ее было огромно. Как самая многочисленная часть русского общества, она создавала инерцию всякому движению, к которому она примыкала. А чаще всего она примыкала к правительственной оппозиции и тем создавала оппозиционное общественное «настроение».

Какой же итог можем мы подвести всему нашему обзору? Во всяком случае, не тот, что какие-то внешние злые силы к нам подошли и сбросили нас в пропасть ужасов. Нет, мы сами к тому шли. Правительство и правые партии запоздалыми реформами, невниманием к запросам времени. А когда начали к этим вопросам относиться чутко, когда началось в общем очень благоприятное для расцвета России царствование Николая II, тогда началась бешеная травля этого в общем хорошего и честного государя и очень удачной формы государственности с деловой в этом смысле Государственной Думой, влияние которой все крепло.

Конечно, оголтелые разрушители во что бы то ни стало, без всяких внутренних данных, чтобы создать что-то лучшее, — главные виновники происшедшего. Но все мы помогали этой разрушительной работе — то в ней участвуя, то давая почву и пищу для революционных обличений, то легкомысленно им поддакивая, то устраняясь по принципу: «моя хата с краю». Поистине мы все во всем происшедшем виноваты и не напрасно терпим жестокое наказание.

1944 г.

